

— Господин Цзин ничего не должен генералу Гу, ты понимаешь? — режиссёр Чэнь указал на сценарий. — Наоборот, это генерал Гу в долгу перед господином Цзином. Вы выросли вместе, но ты всегда его подавлял. Тебе нужно показать, что их дружба — это девять частей, это может сыграть любой. Но в этой дружбе я должен увидеть последнюю часть — подавление.

Чэн Пэнфэй нахмурился, обдумывая слова.

Режиссёр Чэнь вздохнул: вот обратная сторона работы с любителем.

Хотя он и дешёв, но без профессиональной подготовки многого не понимает.

— Могу я попробовать?

Режиссёр, видя его серьёзность, не стал возражать и махнул рукой:

— Иди.

В конце концов, оставшийся бюджет на второго актёра позволял снимать десятки тысяч дублей.

— «Безумец», 4-я сцена, 6-й дубль, начали!

С щелчком хлопушки господин Цзин сел в саду и начал передвигать фигуры на шахматной доске.

Генерал Гу, ещё не поступивший в военное училище, был одет в простую одежду, его волосы были собраны на затылке, а взгляд холоден.

— Посмотри, я ошибся в партии?

Генерал Гу, прищурившись, покачал головой:

— Нет, по учебнику всё правильно.

Господин Цзин, сжав губы, через некоторое время взял фигуру. Он играл чёрными, генерал Гу — белыми. Позиции на доске были равны, и исход партии не был предreshён.

На площадке царил тишина. Господин Цзин взял чёрную фигуру, поставил её на белую, а затем переместил на доску. Он поднял бровь, глядя на генерала Гу:

— Я взял шесть твоих фигур.

Режиссёр, наблюдая за этим, сначала хотел остановить сцену, но, увидев движение Чэн Пэнфэя, тут же приказал снять крупный план. Он сидел на краешке стула, напряжённо глядя на экран.

Они сделали ещё несколько ходов, и господин Цзин, не ставя фигуру на доску, держал её над чёрной, а затем ставил в пустую клетку. Он улыбался, и хотя его действия казались оскорбительными, его улыбка придавала им вид легкомысленности богатого молодого аристократа.

Генерал Гу, стоя спиной к камере, на мгновение застыл, а затем протянул руку и взял руку господина Цзина:

— Похолодало, нужно одеться теплее.

— Снято! Готово!

Чэн Пэнфэй вздохнул с облегчением и тут же достал из своего длинного халата сценарий, чтобы прочитать следующие сцены.

Его сценарий был испещрѐн пометками, помимо объяснений Дуна, там было много его собственных заметок.

У Дуна вечером было мероприятие, и он уже снял грим и уехал со съёмочной площадки.

Их совместные сцены отложили на потом.

В машине Жумин сказала:

— Дун-гэ, на мероприятии ведущий может... Дун-гэ?

Дун Чуань очнулся, потер виски:

— Если нет ничего чрезмерного, всё в порядке. Я немного посплю.

Он наклонил голову, опершись на U-образную подушку.

Во время репетиции с Чэн Пэнфэем Дун заметил, что его пальцы были покрыты следами трения.

Видимо, он прошѐл через много трудностей, и на его руках были мозоли. Господин Цзин был изнеженным аристократом, и у него не могло быть таких рук.

Чтобы сыграть роль, Чэн Пэнфэй, похоже, сточил мозоли, и его пальцы стали нежно-розовыми.

Раньше Дун думал, что это просто талантливый любитель, но теперь понял, что он ещё и трудолюбив.

Сам Дун был уже опытным актѐром, хоть и молодым, но благодаря прошлому контракту с жестоким агентством он пережил много грязи. Неважно, был ли это шквал критики или похвал, сейчас он уже не обращал на это внимания.

Теперь он делал только то, что приносило ему удовольствие.

Этот парень был молодым, но с хорошим характером и старанием.

После съѐмок у режиссѐра Чэня его наверняка ждали новые предложения.

Дун закрыл глаза и вскоре уснул.

Дун, закончив мероприятие, сразу поехал на съёмочную площадку, проведя ночь в машине и поспав всего пару часов.

Когда он прибыл, на площадке было мало людей.

Хотя Дун обычно был сдержанным, он умел находить общий язык с людьми. Вчера он взял отгул, и теперь нужно было наверстать. Два ассистента принесли несколько пакетов с

прохладительными напитками и раздали их группе.

Дун, зевнув, взял две чашки с напитком из бобов и направился в угол. Там, спиной к нему, стоял человек, куривший и читавший сценарий. Страницы были потрёпаны, а уголки истрёпаны.

— Ты поел?

Чэн Пэнфэй вздрогнул, хотел встать, и они столкнулись, пролив напиток на себя.

На съёмочной площадке не было душа, и Дун отвел Чэн Пэнфэя в гримёрку, попросив Жумин принести таз с горячей водой.

— Хорошо, что мы не в костюмах, иначе сегодня был бы провал.

Дун снял рубашку и начал вытираться полотенцем.

Чэн Пэнфэй молча смотрел на него, и Дун, заметив это, поднял бровь:

— Что? Тебе не липко?

Чэн Пэнфэй покачал головой. Он был в простой зелёной футболке какого-то непонятного бренда, с оборванной этикеткой. Взяв полотенце, он быстро снял футболку и начал вытираться.

Нужно признать, что у Чэн Пэнфэя было отличное телосложение.

Несмотря на молодость, его фигура была уже хорошо развита. В высоких джинсах его длинные ноги выглядели особенно эффектно.

Но почему-то на его животе было множество шрамов, как будто от порезов ножом, около семи, плотно расположенных, что выглядело пугающе.

Дун нахмурился, но не стал спрашивать, лишь незаметно осмотрел Чэн Пэнфэя, а затем протянул ему свою запасную одежду.

— Не нужно, я скоро переоденусь в костюм, — сказал Чэн Пэнфэй, собираясь выйти голым по пояс.

Дун схватил его за руку:

— Подожди!

Чэн Пэнфэй поднял бровь, глядя на руку Дуна:

— Что такое?

— Я попрошу Жумин принести костюм. Ты же мокрый, выйдешь — простудишься.

Этой фигурой лучше любоваться мне, зачем выставлять её напоказ?

С этими словами Дун открыл дверь и позвал Жумин за костюмом.

Съёмки шли гладко, и наступил момент первого конфликта между персонажами.

В саду, наполненном ароматом цветов, господин Цзин сидел за каменным столом и читал. Он

только что вернулся из-за границы, и его длинный халат сменился на костюм. Волосы были коротко подстрижены и зачёсаны назад, открывая высокий лоб.

Прежде книжный и наивный, теперь он выглядел более серьёзным.

Служанка вошла с письмом, сказав, что его принесли для господина Гу.

— Я его ещё не видел, а уже получаю письма, — улыбнулся господин Цзин, сняв золотые очки и положив их в карман, а затем взял письмо.

Служанка вышла, и в саду остался только он.

Он положил письмо на стол напротив, словно ожидая, что господин Гу придёт и прочтёт его.

Господин Цзин сделал глоток чая, его розовые пальцы скользнули по краю чашки.

— В конце концов, он мой брат... — пробормотал он, и на мгновение снова стал тем наивным молодым аристократом. Он улыбнулся и открыл письмо.

Камера отъехала, сосредоточившись на его спине.

Его пальцы сжали край стола, словно он сдерживал эмоции. Спина слегка дрожала.

За кадром Дун медленно приблизился, и его обычно спокойные шаги сегодня были торопливыми.

Камера крупным планом показала его лицо, и его строгое выражение смягчилось, когда он увидел спину господина Цзина.

Господин Цзин, услышав шаги, встал, опершись на стол. Его лицо было бледным, и он швырнул письмо в лицо генералу Гу, крича:

— Генерал Гу!

Письмо упало на землю, и на нём было написано: «Хуанпуское военное училище».

— Снято! Чэн Пэнфэй, в следующем дубле добавь больше эмоций в момент чтения письма. Сделаем ещё один дубль, и сегодня закончим.

С последним словом «снято» Чэн Пэнфэй вздохнул с облегчением.

Сегодня было затяжно, и гримёр, снимая макияж, сказал:

— Ты используешь этот гель для волос? У тебя, кажется, аллергия.

<http://bllate.org/book/15547/1413509>